

5. Feldman Shoshana and Dori Laub. *Testimony: Cries of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History*. – New York – London: Routledge. 1992 – 345p.
6. Kennedy A.L. *Original Bliss*. – New York: Vintage Books, 1998. – 214p.
7. Radstone Susannah. *Trauma theory: Contexts, Politics, Ethics*”. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: [http://roar.uel.ac.uk/739/1/Radstone,%20S%20\(2007\)%20Paragraph%2030%20\(1\)%209-29.pdf](http://roar.uel.ac.uk/739/1/Radstone,%20S%20(2007)%20Paragraph%2030%20(1)%209-29.pdf)
8. Tamarkin Maria. *Traumascapes: The Power and Fate of Places Transformed by Tragedy*. – Melbourne: Melbourne University Press, 2005. – 288 p.

“ПАМ’ЯТЬ ВОЙНЫ” КАК ВЕДУЩИЙ МОТИВ-КОНЦЕПТ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ Р. КАТАЕВОЙ

Ксения КАЛЪЯН

Харьковский национальный педагогический университет
имени Г.С.Сковороды

У статі проаналізована поезія харків’янки Р. Катаєвої. Военну тематику у своїй творчості поетеса актуалізує через мотив-концепт “пам’ять”. Аналіз вживання слів зі значенням “пам’ять” у ліриці Р. Катаєвої показує домінування у їх семантиці вербального характеру над номінальним. Окрема проблема статті полягає в аналізі суб’єктно-об’єктної структури “воєнної” поезії, що об’єктивує різні осмислення концепту “пам’ять”.

Аналіз проводиться на основі найбільш показних віршів: “Харків, 22 червня...” “Цукерки”, “Перемога”, “Пам’ять” та поеми “Моє покоління”.

Ключові слова: Р. Катаєва, мотив-концепт, пам’ять, поема, “воєнна” поезія.

В статье проанализирована поэзия харьковчанки Р. Катаевой. Военную тематику в своем творчестве поэтесса актуализирует через мотив-концепт “память”. Анализ употребления слов со значением “память” в лирике Р. Катаевой показывает доминирование в их семантике вербального начала над номинальным. Отдельной проблемой статьи становится анализ субъектно-объектной структуры “военной” поэзии, объективирующей различные аспекты осмысления концепта “память”.

Анализ проводится на основе наиболее показательных стихотворений: “Харьков, 22 июня ...”, “Конфеты”, “Победа”, “Память” и поэма “Моё поколение”.

Ключевые слова: Р. Катаева, мотив-концепт, память, поэма, “военная” поэзия.

The article analyzes the “war” poetry by the Kharkov poet R. Kataeva. She actualizes war theme in her works through the motive-concept of “memory”. The analysis of words with the semantics of “memory” used in Kataeva’s works shows the prevalence of verbal structures over the nominal ones. The study of subject-object system that concretizes various aspects of concept “memory” becomes an additional issue for us.

The paper focuses on the poems “Kharkov, the 22-nd of June...”, “The sweets”, “The Victory”, “Memory” and the long poem “My generation”.

Key words: R. Kataeva, motive-concept, memory, poem, “war” poetry.

Героический и трагический пафос в ранней лирике харьковской поэтессы Р.А. Катаевой связан с переживанием событий Великой Отечественной войны. Римма Катаева является непосредственным свидетелем тех роковых событий: “Военная тема пропущена сквозь ее детское, подростковое восприятие”, – отмечает исследователь творчества поэтессы И. Михайлин [5, с. 24]. Эта тема проявляется то как эмоциональный всплеск-отклик на какое-либо конкретное событие военной поры, то становится целой поэмой, в которой наблюдается глубина исторического обобщения.

Среди произведений поэтессы, посвященных военной тематике, следует выделить такие стихотворения, как: “Харьков, 22 июня ...”, “Конфеты”, “Победа”, “Память”, “Концу войны уже подходит срок”, “А у тебя есть ощущение вины?”, а также поэму “Мое поколение”. Все они вошли в первые сборники поэтессы “Порог” (1983) и “Рябиновая ветка” (1987).

Военную тематику в своем творчестве поэтесса актуализирует через мотив-концепт “память”. По мнению Ю. Лотмана, “Память не является для культуры пассивным хранилищем, а составляет часть механизма образования текста” [4, с. 201]. Концепт “память” является контекстообразующим в творчестве Р. Катаевой, поскольку слово “память” и слова с семой “держат в памяти”, многократно повторяясь в творчестве поэтессы, являются ключевой единицей текста стихотворений.

В художественно-поэтическом осмыслении событий войны поэтессой в качестве доминирующего концепта-мотива можно выделить “историческую память”. В трактовке лексемы “память” ученые выделяют четыре зоны ее семантики: “способность запомнить”, “запас впечатлений”, “воспоминание”, “сознание”. В контексте творчества Р. Катаевой наиболее отчетливо представлены: “память – запас

впечатлений”, “память – сознание” и “память – воспоминание”. Поэтесса настаивает на активной социально-личностной роли памяти, благодаря чему лексема приобретает более широкое смысловое значение, а именно: “память – вечность, бессмертие”.

Анализ употребления слов со значением “память” в лирике Р. Катаевой показывает доминирование в их семантике вербального начала над номинальным. Наиболее активное семантическое ядро концепта “память” образуют глаголы *помнить, запомнить, вспоминать, не забыть*:

“ребенком запомнил на все времена”;
“не забыть, кто упал в перевернутый свет”;
“я помню город наш после войны”;
“вспоминаем мы уже без мамы”.

Околоядерная зона концепта “память” формируется за счет временных локусов (“В сорок первом сюда завели”, “Прятала их мама в дни войны”, “и любить научила нас в детстве война”, “День Победы! Сокровище нашего детства”), которые относят читателя в опаленное войной детство поэтессы. Они часто отмечены повышенным уровнем метафоричности (“чтоб мертвой не стало кругом тишины”, “и сколько расстрелянных выжило нас!..”, “В нас Победа вошла долговечным зарядом”).

Интонационно-синтаксическое построение поэтической речи Р. Катаевой отмечено чертами разговорного синтаксиса с его обращениями, вопросами, восклицаниями, частицами и пр. (“Ну, когда?..”, “Но где же я?”, “Дух Родины!”, “Помощь фронту!”, “Но где ты, детство...?”) Это объясняется преобладанием реалистически-бытовой стилевой линии в стихах, посвященных военной проблематике.

Говоря о военной лирике в целом, отметим присутствие эксплицитного лирического героя, который выражает чувства и переживания биографического автора. Лирическая героиня стихотворений постоянно обращается к прошлому. Так, в стихотворении “Харьков, 22 июня...” изображен роковой день как в жизни Р. Катаевой, коренной харьковчанки, так и в истории огромной страны:

Наш старый дом по улице Свердлова –
Высокий дом, развернутый дугой...
Он только что, как все, услышал слово,
Произнесенное по радио Москвой.

Однако героиня в силу своего возраста еще не может в полной мере осознать весь трагизм и драматизм происходящего:

...А я тогда всерьез не понимала,

Что это начинается война.

Высоким эмоциональным накалом проникнуто стихотворение «Победа». Лирическая героиня переживает один из счастливейших и долгожданных дней в истории страны, в судьбах своих современников. Стихотворение проникнуто всеобщей радостью, верой в светлое, мирное будущее:

Но где же я? Где мама? Где подруги?

И чьи меня подбрасывают руки? –

Себя в тот день никак не отыщу я.

И только чувствую, и слышу снова

Глубинный смысл гремящей круговерти –

Как приговор воинствующей смерти,

Взрывается то памятное слово.

Во время войны на первый план выдвинулись общечеловеческие ценности: жизнь, дом, семья, Родина. Особенно полно эта тема развита в стихотворении «Конфеты», посвященном освобождению Харькова от фашистских захватчиков и содержащем автобиографическое начало. В центре стиха – лирическое «мы», объединившее образ самой поэтессы и ее брата – Вадима: «Мы с братиком...». Показательным является целостное восприятие поэтессой себя и брата: «Родились в нем папа, мама, мы». С детства и до его смерти Вадим Катаев оставался самым близким человеком для поэтессы.

Иной характер и иные масштабы приобретает субъектная структура и лирическое «мы» в поэме «Моё поколение». Местоимение «мы» здесь несет огромную семантическую нагрузку. В поэме Р. Катаева пишет не только о своем горе, но и о горе Родины, о горе поколения. Поэтессе удалось создать собирательный образ поколения, она отождествляет себя с ним, её переживания утрачивают сугубо личностные характеристики, благодаря чему поэма звучит масштабно, всеохватно:

Мы приняли горе

Свое и страны;

Мы выжили в этой проклятой войне

Мы вышли из голода, холода, дыма...

Поэма состоит из четырех глав и соответственно четырех композиционных частей. В первой главе поэтесса описывает общую

судьбу свого покоління. Перед читателями предстает хаотичная картина начала войны: неожиданная беда, заставившая преждевременно повзрослеть вчерашних ребят, полная неизвестность и беспомощность. Тема самоотречения и патриотизма развивается в следующей главе, посвященной нелегкой судьбе людей в эвакуации. Наследуя поэтов военного поколения, Р. Катаева поднимает проблему “беженцев”. Поэтесса сама вынуждена была покинуть родной Харьков и переехать на время войны в Казахстан, поэтому остро чувствовала тяготы и невзгоды, ожидавшие вынужденных переселенцев:

Может, что-то порою случалось не так:

Окрик, взгляд ли чужой задевали кого-то,

Открывались со скрипом иные ворота,

Слово “беженцы” било сильнее, чем кулак...

Пытаясь глубже осмыслить и всесторонне осветить истоки боевой доблести защитников Родины, поэтесса придает особую значимость подвигу матерей во время Великой Отечественной. На их плечи легло не только бремя заботы о детях, но и ответственность за судьбы солдат на передовой. Преодолевая трудности военных лет, не щадя сил, они делали все, чтобы обеспечить фронт всем необходимым:

Понимаем мы: мама так мало спала!

И пойдем: всю войну на себе вывозила.

Но пойдем ли, откуда брала эта сила

Столько мужества, столько живого тепла?..

Свой вклад в единство фронта и тыла внесло и младшее поколение. Жизнь детей в эвакуации полностью подчинялась режиму военного времени:

Мы у рупора с матерью слушали фронт;

Наши старшие мальчики шли на завод;

Наши старшие девочки – в госпиталя;

Поднималась на помощь бегом, по команде,

В дом, занявшийся горем войны, детвора.

В последней строфе Р. Катаева формирует идею главы: единение людей – неисчерпаемый источник духовных и физических сил в борьбе с общим врагом:

И такую большою надежною силой

Обернулись две малые родины в нас!

В третьей главе прослеживается хронология ключевых событий Великой Отечественной. Так, во второй строфе поэтесса упоминает битву за Москву(1941). В германской и западной военной истории эта битва известна как “Операция “Тайфун””:

Ну, когда же, когда же, когда же победа?!

Нам казалось – вот-вот, когда наши солдаты

Не пустили фашиста в Москву.

Но придет в салютующую синеву

Так не скоро ещё та желанная дата!..

Третья строфа посвящена поворотному событию в истории войны – прорыве блокады Ленинграда (1943), что многократно приблизило долгожданный День Победы:

Услыдав наконец о прорыве блокады,

Мы решили: Дорогою жизни пошла –

Вся из хлеба ржаного и вся из тепла –

Молодая Победа в дома Ленинграда.

Долгожданное возвращение из эвакуации, как “одушевленный” предвестник Победы, положило конец сомнениям в скором триумфе над врагом:

Возвращенье... Из доброго прочного тыла.

Возвращенье под свой, пусть разодранный кров.

И к Победе – из разных ликующих слов –

Ближе всех в эти дни “возвращение” было.

Завершает поэму глава, в которой Р. Катаева описывает современность и послевоенную судьбу своего поколения, исторической миссией которого является сохранение священной памяти о днях войны и о бесчисленных жертвах, принесенных во имя Победы:

Но выше любых самых важных заданий

Священным заветом живет в нас одно:

Чтоб мертвой не сталоь кругом тишины,

Чтоб легче живому дышалось на свете,

Встает, перед Родиной вечно в ответе,

Мое поколение – дети войны.

В поэме раскрывается тема любви к Родине: “Бродим мы между стен, спим почти в пустоте,/ Но зато это счастье великое – дома!”; и развивается мотив родства со всеми в сопричастности общему делу. Это находит отражение в регулярном употреблении местоимений *мы*,

нас, наши, нам, в частом использовании слов со значением родства, служащих образной характеристике людей, которых коснулась война: “Мое поколение”, “беженцы”.

Таким образом, в поэме утверждается идея патриотизма и единства людей в борьбе с общим врагом, при этом подчеркивается максимальная близость личности и родной земли. Расширяются и границы мира, с которым отождествляет себя поэтесса:

Распахнула нам двери большая Сибирь.

Поднялись на защиту Уральские горы.

На дрогах войны в ту суровую пору

Мы познали детьми нашей Родины ширь.

В поисках наибольшей поэтической выразительности в воссоздании лейтмотивного образа-символа Победы, поэтесса обращается к обширной палитре лексических средств, в частности к использованию оксюморона в следующих строках:

Чтобы *светлою* стать, ей придется пройти

Через *долгую кровь*, через *долгую копоть*.

Христианский мотив очищения через муки и страдания не является ведущим в творчестве поэтессы. Р. Катаева – медик по образованию, ей не раз приходилось сталкиваться с прозаичной реальностью жизни, не раз судьбы людей зависели от нее самой. Ее поэзии присуща реалистическая стилевая тенденция. Однако, работая над поэмой, Р. Катаевой, по-видимому, открылось нечто гораздо более важное: глубокая вера и самоотречение народа сделали Победу священной. Образ Победы поэтесса сравнивает с сокровищем, с началом новой жизни:

День Победы! Сокровище нашего детства...

Он пробился ростком в страхе первого дня

Когда небо упало лавиной огня,

Когда всем нам казалось, что некуда деться.

Особую роль в ритмической, графической и семантической композиции текста поэмы играет последняя строка третьей главы, намеренно рассеченная на три части:

В нас Победа вошла

Долговечным

Зарядом!

Каждая из новообразованных строк связана с мотивом времени – одним из сквозных мотивов поэмы. Структура всего стихотворения состоит из трёх планов временного континуума – прошлое, настоящее

и будущее. Временная перспектива текста представляет собой движение от прошлого к будущему. Такая организация текста подчеркивает веру поэтессы в победу, в спасение Родины и в вечную память о народном подвиге.

Антиподом Победы в поэме предстает образ Войны. Р. Катаева представляет войну в виде механизма, бездушного, перемалывающего все живое:

Гнала нас война в глубину катакомб,
Горячее горло сжимала блокадой,
Вязала, как взрослых, колючей оградой,
Кнутом собирала, и стригла, и стадом
В чужие края угоняла силком.

Поэтесса отвергает войну как нечто противоестественное, бесчеловечное, приносящее боль и страдание: Нас учила война ненавидеть войну.

Поэма представляет собой целостный лирический монолог, максимально насыщенный тропами и стилистическими фигурами, что подчеркивает эмоциональную напряженность и динамичность картины.

Стержневым стилистическим приемом является метафора:

нас расшвыряла война;
сердце на подвиг рванулось;
громыхала дорога вопросом тревожным;
в детство ворвался коричневый дым;
впереди встает столько окопов.

Поэтесса также часто прибегает к употреблению экспрессивных эпитетов:

чужое, железное небо;
дом, занявшийся горем войны;
гробовая тишина;
проклятая война.

“Память противоречит уничтожающей силе времени. Это свойство памяти чрезвычайно важно. Принято элементарно делить время на прошедшее, настоящее и будущее. Но благодаря памяти прошедшее входит в настоящее, а будущее как бы предугадывается настоящим, соединенным с прошедшим, Память – преодоление времени, преодоление смерти”, – пишет филолог и культуролог Д.С. Лихачев [3, с. 160]. Исследуя “военную” поэзию Р. Катаевой, становится очевидно, что для автора

причина воспоминаний и необходимость помнить заключается в обостренном чувстве долга перед солдатами, отдавшими свои жизни в этой войне.

Согласно Р. Катаевой, память амбивалентна: она может быть чудесной и жестокой; есть в ней и щемящая ностальгия по детству (“Конфеты”, “Победа”), и раздирающие душу страдания, на которые обрекла поэтессу война (“Мое поколение”, “Харьков, 22 июня...”, “Память”).

ЛИТЕРАТУРА

1. Катаева Р.А. Порог / Р.А. Катаева. –Х.: Прапор, 1983. – 53с.
2. Катаева Р.А. Рябиновая ветка/ Р.А. Катаева. –К.: Радянський письменник, 1987. – 92с.
3. Лихачев Д.С., Искусство памяти и память искусства: Д.С. Лихачев, Письма о добром и прекрасном, Москва 1985, с. 160–161.
4. Лотман Ю.М., Память в культурологическом освещении: Ю.М. Лотман, Избранные статьи, т. 1, Таллинн 1992, с. 200–202.
5. Михайлин И.Л. Римма Катаева: Литературный портрет / И.Л. Михайлин. –Х.: КП “Типография № 13”, 2009. – 52с.

МОДЕЛЮВАННЯ СИТУАЦІЙ ВСТАНОВЛЕННЯ КОНТАКТУ З ЧУЖИМ У АНГЛІЙСЬКОМУ ФЕНТЕЗІ ДОБИ ПОСТМОДЕРНІЗМУ

Євгенія КАНЧУРА

Любарська гімназія №1

Опозиція “Свій – Чужий” є однією з базових для метажанру фентезі, як безпосередньо пов’язана з темою протистояння Добра і Зла. Проте нівелювання бінарності, властиве постмодерному мисленню, сприяє суттєвій трансформації образу Чужого у фентезі новітньої доби. Д. Вінн Джонс і Т. Претчетт демонструють приклади стереотипних моделей образу Чужого та шляхів зміни сприйняття відповідних образів від різко негативного до такого, що надає можливість встановлення діалогу. У статті аналізуються прийоми й засоби створення образу Чужого та запропоновані авторами моделі діалогу культур.

Ключові слова: Діана Вінн Джонс, Террі Претчетт, Інший, Чужий, бінарні опозиції, фентезі, пост-постмодернізм.

Оппозиция “Свой – Чужой” – одна из базовых для метажанра фэнтези, как непосредственно связанная с темой противостояния Добра и Зла. Однако нивелирование бинарности, свойственное мышлению постмодернизма, способствует